

Анатолий Кононенко

Рец. на: Е.А. Осокина. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

*Anatoly Kononenko
(Tyumen State University, Russia)*

Rec. ad op.: E.A. Osokina. Zoloto dlia industrializatsii: Torgsin. Moscow, 2022

DOI: 10.31857/S086956872204029X, EDN: JCCTZI

После окончания семилетнего системного кризиса российской государственности (1914–1921) перед новой властью стояли масштабные задачи превращения отсталой, разрушенной Гражданской войной страны в мощную индустриальную державу. Купирование последствий антропологической катастрофы началось с переходом к нэпу, с его мероприятиями в области сельского хозяйства, легитимацией торговли, выдачей патентов и лицензий, созданием товарных и валютных бирж, введением в обращение советского червонца. Однако все эти меры смогли лишь снять остроту продовольственного снабжения в городах и сёлах. Учитывая структурные издержки («ножницы цен», хлебозаготовительный кризис, неурожайные годы), вряд ли стоит рассматривать потенциал нэпа как базис для индустриализации советской России.

Взяв курс на беспрецедентную модернизацию, сталинское руководство изначально оказалось в крайне сложных условиях нарушения техногуманитарного равновесия. Недружественное внешнее окружение, отсутствие средств для создания и обновления производственных мощностей, снижение мировых цен на зерно, лес и нефть заставляли правительство проявлять изобретательность и изворотливость в деле получения валюты для закупки станков, технологий, приглашения специалистов. В этих целях в конце 1920-х – 1930-е гг. происхо-

дили консолидация остатков золотой казны Российской империи и организация гражданских предприятий золотодобывающей промышленности, в добыче золота была задействована система ГУЛАГ. Кроме того, в 1937 г. Советский Союз принял на хранение золото Испанской республики. К 1953 г. суммарный золотой запас СССР составил более 2 тыс. т (с. 120). Важнейшую роль в изъятии золота и иных ценностей у населения играли магазины Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами), о котором повествует рецензируемая монография. Она является дополненным продолжением прежних трудов профессора Е.А. Осокиной¹.

В основу монографии легли документы фонда Правления «Всесоюзного объединения “Торгсин”» в Российском государственном архиве экономики (приказы, циркуляры, переписка, протоколы, сообщения с периферии), а также материалы контор Ленинграда, Смоленска, Ташкента. Это позволило автору показать работу центрального аппарата, выявить специфику и особенности территориальных подразделений. Учитывая пересечение партийных, правительственных, ведомственных интересов, Осокина привлекла материалы ЦК ВКП(б), СНК, Наркомата внешней торговли, Госбанка, хранящиеся в фондах ГА РФ, РГАСПИ, Центрального государственного архива Московской области. Лишь фрагментарно исполь-

зованы документы Экономического управления ОГПУ, но зато автор обращается к аналитическим докладом американского посольства в Москве из Национального архива США (Вашингтон). Также привлечены кино- и видеодокументы, в том числе интервью с жертвами голода 1932–1933 гг. Проработав над темой в течение многих десятилетий, автор демонстрирует глубокое знание проблемы: обращается к выводам и суждениям предшественников, критически оценивает их позиции, основательно ориентируется в историографии вопроса.

Первоначально созданный для снабжения иностранных моряков в советских портах, в июне 1931 г. Торгсин открыл двери всем советским гражданам, которые могли приобрести товары за золотые монеты царской чеканки номиналом 5 и 10 руб., в счёт переводов валюты из-за границы, а затем – в обмен на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты, а также произведения искусства. В 1932–1935 гг. в его магазины было сдано почти 100 т чистого золота (с. 10). Вопреки известному сюжету из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», основными продуктами, приобретаемыми покупателями в Торгсине, являлись не ветчина, икра и севрюга, а ржаная мука грубого помола, крупы, подсолнечное масло и сахар. Осокина отмечает, что Торгсин выполнил «важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток. Его главными покупателями оказались вовсе не иностранцы, как утверждало название, а советские граждане, которые отдали свои последние сбережения на промышленное развитие страны» (с. 11).

По подсчётам Осокиной, Торгсин способствовал покрытию пятой части, а в отдельные годы – трети

расходов СССР на импорт промышленного оборудования, технологий и сырья. Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнения, так как ранее советские историки уже пытались доказать, что главным источником индустриализации был рост внутрипромышленных накоплений, а их зарубежные коллеги утверждали, что модернизация происходила за счёт перекачивания средств из сельского хозяйства (продажа зерна на экспорт).

Скупая ценности у населения дешевле их реальной стоимости, «пролетарское государство продавало продукты и товары своим соотечественникам в несколько раз дороже экспортной цены, по которой торговало этими товарами за границей» (с. 11). В итоге за каждые три с половиной золотых рубля покупатель получал товаров на один рубль (с. 473). Между голодной смертью и невыгодной уступкой государству семейных драгоценностей население выбирало второй вариант. В связи с этим невольно задумываешься о цикличности исторического процесса, когда приватизация государственных предприятий СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., названная в публицистической литературе «грабительской», стала своеобразным ответным ходом последнего поколения советских людей, наученных горьким опытом предков.

Обслуживая иностранных туристов и моряков, за весь 1931 г. Торгсин собрал 7 млн руб., а приступив к скупке золота у советских граждан, только за первый квартал 1932 г. вырубил более 7,5 млн руб. (с. 63). Ещё более впечатляющие результаты были получены в «голодном» 1933 г. Всего, по подсчётам Осокиной, в стране появилось около 1,5 тыс. отделений Торгсина, причём не только в областных, но и в окружных центрах.

Автор монографии обращает внимание на то, что конечным продук-

том, приобретаемым государством, были не драгоценные металлы (золото, серебро и платина), а доллары США, британские фунты стерлингов и другая валюта. Именно поэтому все денежные переводы из-за рубежа не доходили до конкретного получателя, оставаясь в Государственном банке. Взамен государство выдавало гражданину краткосрочные бумажные обязательства на приобретение товаров и продуктов в Торгсине, но основная часть суммы выплачивалась в рублях. Затем появились товарные ордера, которые заменили именные или заборные книжки. Обменять торгсиновские «деньги» обратно на золото и валюту было нельзя. Особенность проекта заключалась в том, что Советское государство получило валюту, купив золото у населения за товары сомнительного качества.

Осокина подробно характеризует различные тонкости и детали, связанные с золотым оборотом. По её данным, только в германские банки Советский Союз вывез более 260 т, в то время как промышленная добыча золота в стране в 1931–1933 гг. составила лишь 121 т, а Торгсин обеспечил почти 90 т в 1931–1934 гг. (с. 118). Вероятно, большая часть золотых запасов у населения иссякла в самом тяжёлом 1933 г. Золотой лом, чекан, оценка драгметаллов, их вес, переплавка в слитки, мировая и закупочная стоимость в СССР, денежные переводы родственникам из-за рубежа — вот только некоторые из вопросов, получивших освещение в рецензируемой монографии.

Определённый интерес вызывает соотношение закупочной и мировой цены на золото. По подсчётам Осокиной, люди недополучали 89 коп. за каждый сданный в Торгсин грамм золота, чему находилось вполне логичное объяснение — государство должно всегда иметь свою выгоду. Расхожде-

ние в закупочной и продажной стоимости принесло в бюджет около 15 млн долларов США, потраченных на иностранное оборудование для строительства гигантов советской индустрии. За время своей деятельности Торгсин получил из-за границы в переводах валюты почти на 47 млн руб., что, к примеру, позволило обеспечить оборудование цехов Магнитогорского металлургического комбината (с. 272).

В книге также обращается внимание на приобретение менее ликвидных серебра, бриллиантов и платины, описан варварский характер скупки антиквариата. Основной интерес вызывали произведения искусства и предметы роскоши и интерьера XVII–XVIII вв., в меньшей степени — ценности XIX — начала XX в. (с. 200, 236). Автор усматривает в этом невысокий уровень компетентности и профессионализма приёмщиков Торгсина.

Подробно Осокина останавливается на биографиях людей, возглавлявших Торгсин. В основном это были бывшие сотрудники ОГПУ или лица, поддерживавшие с ним тесную связь. Значительную часть их составляли евреи, связавшие свою жизнь с революцией ещё в дооктябрьский период (с. 401). Некоторые из руководителей Торгсина родились в семьях, занимавшихся предпринимательством и торговлей с XIX в. Хотя при решении кадровых вопросов политическое кредо оценивалось выше профессионализма, в данном случае руководство страны шло на компромисс.

Осокина отмечает, что если Торгсин действовал в сравнительно цивилизованных рамках того времени, то ОГПУ практиковало откровенный грабёж населения, аресты покупателей и экспроприацию их материальных ценностей, причём делалось это «по наводке» Торгсина. «Даже покупка хлеба в магазине могла стать рискованным приключением и обернуться

слежкой, обыском, конфискацией имущества и даже арестом. Советская повседневность имела авантюрный характер», — констатирует автор (с. 355).

Основные выводы и суждения Осокиной созвучны с идеями, высказанными «постревизионистами», по мнению которых советский опыт представлял собой органичную часть глобального процесса развития современного государства, особенностью которого были прагматизм, движение к прогрессу, стремление построить индустриальное и технологически развитое общество². Для достижения в том числе и этих целей Торгсин добыл ценностей на 287 млн руб., что было эквивалентом 222,7 т чистого золота или 200 млн долларов США. Бытовое золото, серебро и платина составили почти 70% всей скупки, а с учётом иностранной валюты, сданной как иностранцами, так и советскими гражданами (учёт вёлся не по группам покупателей, а по видам поступивших ценностей), вклад превышал 80% (с. 470). При этом Торгсин, сдавая все ценности в Госбанк, работал на государство и как торговое предприятие был убыточным (с. 478).

К достоинствам рецензируемой работы следует отнести попытку взглянуть на проблему не только со стороны государственных структур, объяснив их мотивацию, но и проанализировать поступки и логику действий населения. Повседневная жизнь представляет собой сложное и многогранное взаимодействие государственных институтов и конкретных людей, отстаивающих свои интересы. Это видно и по тому, как развивались экономические отношения в СССР в 1930-е гг. Население чутко прислушивалось к любому повороту во внутренней политике, мгновенно и по-своему отзывалось на изменения во внешнеполитической обстановке, на каждый слух о приближении войны, оперативно реагируя на открытие

колхозных рынков и коммерческих магазинов, не говоря уже об активизации «чёрного рынка». По мере улучшения продовольственного снабжения люди всё чаще начали ходить в магазины Торгсина за «деликатесами и модными новинками», играли и выигрывали на разнице цен в разных видах советской торговли. Держателю золота и валюты выгоднее было приобрести «продовольственные товары, реализовать их по существующим ценам на рынке и на вырученные червонцы купить товары в коммерческом магазине» (с. 302). Пока государство «подгоняло Торгсин под индустриализацию, люди приспособивали его для себя» (с. 521). Первый и единственный раз в истории СССР его граждане могли легально использовать иностранную валюту и золото в качестве средства платежа.

Осокина отмечает, что презрение И.В. Сталина и его окружения к благородному металлу и валюте вряд ли являлось показным. Как профессиональные революционеры они с неприязнью относились к таким категориям, как «товар», «рынок», «прибавочная стоимость», это были «понятия из другого, обречённого и побждённого, с их точки зрения, мира» (с. 59). Торгсин руководство страны оценивало как рассадник обывательщины, мещанства, пережиток капитализма, временно необходимый как один из способов выкачивания средств из населения для индустриализации. В целом, Торгсин с полным правом можно отнести к ключевым советским социально-экономическим институтам предвоенного десятилетия. Тем не менее проработал он всего пять лет и был упряднён в 1936 г., когда надобность в нём стала уже не столь острой. Стоит также отметить, что подавляющее большинство руководителей Торгсина погибли в период репрессий 1937—1938 гг.

Создание золотодобывающей промышленности в СССР во второй половине 1930-х гг. сняло остроту проблемы поступления валютных резервов. Преодоление сельскохозяйственного кризиса, отмена карточной системы, формирование государственно-кооперативной торговли, открытие колхозных рынков способствовали ликвидации Торгсина. Важную роль в прекращении его деятельности сыграла идейно-политическая мотивация, а также социально-экономические факторы, такие как оформление советского общества потребления. Однако неспособность руководства страны создать полноценную

и бездефицитную систему снабжения товарами в конечном итоге привела к отказу населения от советского типа социализма (с. 539).

Примечания

¹ *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009; *Осокина Е.А.* Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

² *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; *Журавлёв С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирование одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013.